

Савчук Т. А.

**Дискуссионные вопросы о понятии
и законодательном закреплении «электронных» («цифровых»)
доказательств в уголовном процессе**

В современных условиях многие сферы общественной жизни управляются посредством информационных технологий, что ставит эффективность борьбы с преступностью в прямую зависимость от информационно-технологического обеспечения деятельности органов, ведущих уголовный процесс, и правового регулирования такого обеспечения. В связи с этим представляется актуальным для исследования вопрос нормативного определения и использования в уголовно-процессуальном доказывании «электронных» («цифровых») доказательств. Следует отметить, что легального определения названных доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и других государств – участников СНГ не содержится, а в юридической литературе наблюдается терминологическая разобщенность в наименовании таких доказательств и их правовой природы.

Так, ученые, позиционирующие идею о введении в законодательный оборот понятия «электронное доказательство» и определяющие его как документ, где информация представлена в электронно-цифровой (электронной) форме, считают его самостоятельным видом доказательств [1], подлежащим закреплению в специальных нормах процессуального законодательства [2, с. 92; 3, с. 116]. Другие авторы [4; 5; 6] предлагают называть такое доказательство «виртуальным документом», определяя его как совокупность информационных объектов, создаваемую в результате взаимодействия пользователя с электронной информационной системой.

Исследование зарубежного опыта свидетельствует о том, что изначально информация, созданная с помощью аппаратных и программных средств компьютерной техники, получила название «компьютерных доказательств». Однако в связи с появлением технических средств, которые по существующей классификации не могли быть отнесены к такой товарной группе, как компьютеры или электронно-вычислительные машины (например, цифровые фотоаппараты, средства мобильной связи, диктофоны), зарубежные ученые и практики стали использовать наиболее общую группу доказательств – «цифровые доказательства». При этом эксперты единой Научной рабочей группы по исследованию цифровых доказательств в США предложили таким термином называть любую информацию доказательственного значения, зафиксированную или переданную в цифровой форме [7, с. 183].

В отечественной юриспруденции попытка привлечь внимание к возможности использования в доказывании по уголовным делам электронных документов впервые была предпринята в 1973 г. Проведенное В. К. Лисиченко исследование показало, что сведения о фактах и практической деятельности людей, закреплённые знаками искусственных языковых систем, должны рассматриваться в общенаучном и правовом смысле как самостоятельная разновидность документов [5]. И только в 1991 г. В. И. Першиковым и В. М. Савинковым было дано определение понятия «электронный документ», под которым предлагалось понимать совокупность данных в памяти электронно-вычислительных машин (ЭВМ), предназначенную для восприятия человеком с помощью соответствующих программных и аппаратных средств. Данную позицию в 1992 г. развил А. Б. Борковский, введя в оборот термин «электронная почта» и определив его как средство пересылки и хранения сообщений между пользователями сети ЭВМ [5].

В настоящее время электронный документ интерпретируют как любые сведения, хранимые, обрабатываемые и передаваемые с помощью автоматизированных информационных и телекоммуникационных систем, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, в предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством порядке устанавливает наличие (отсутствие) обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и иных обстоятельств, имеющих значение для дела, полученные с соблюдением процессуального порядка их собирания и приобщенные к уголовному делу специальным постановлением (определением). По мнению А. В. Рыбина, электронный документ – это сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, записанные на перфокарту, магнитный, оптический, магнитооптический накопитель, карту флэш-памяти или иной подобный носитель, полученные с соблюдением процессуального порядка их собирания [8]. Думается, что цитируемые суждения являются расширительным толкованием дефиниции «электронный документ», поскольку включают в себя предмет и элементы доказывания, процессуальный порядок оформления такого документа, а в последнем случае – содержат описание местонахождения документа на электронном носителе, но не раскрывают его сущность. Нам ближе определение электронного документа, предложенное В. Веховым, трактующим его как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах в электронно-цифровой форме, зафиксированные на машинном носителе с помощью электромагнитных сигналов с реквизитами, позволяющими идентифицировать данные сведения» [5].

Анализ законодательства Республики Беларусь, регламентирующего понятие и механизм использования электронного документа, позволяет выделить критерии, которым должна соответствовать документированная, в том числе электронная информация. Одним из таких критериев выступает обязательная фиксация этой информации на материальном носителе, которым может быть любой объект материального мира, включая вещи и физические поля, где находят свое

отображение определенных сведений. При этом следует иметь в виду, что одновременно одни и те же сведения могут фиксироваться на различных материальных носителях (бумажном и электронном). Наличие реквизитов, позволяющих подтвердить подлинность и идентифицировать информацию и (или) ее материальный носитель, также является критерием признания такой информации документированной (в том числе электронной). Электронный документ должен создаваться, обрабатываться, храниться, передаваться и приниматься с помощью технических, программных и программно-аппаратных средств, а также должен представляться в форме, доступной и понятной для восприятия человеком. Нормативно закреплено, что электронный документ имеет внутреннюю (запись информации, составляющей электронный документ, на электронном носителе информации) и внешнюю (воспроизведение электронного документа на электронном средстве отображения информации, на бумажном либо ином материальном носителе) формы представления. Следует иметь в виду, что имеется вероятность изменения формы фиксации такого документа, поскольку информация, запечатленная на материальном носителе одного вида, может быть одновременно представлена и на других видах носителей без угрозы потери своего содержания и реквизитов.

Изложенное приводит к выводу, что для пригодности электронного документа в качестве документа-доказательства по уголовным делам он должен быть не только доступным и понятным для восприятия человеком, но и быть изготовленным человеком. Иными словами, технические, программные и программно-аппаратные средства в данном случае выступают лишь средством изготовления такого рода документов. Если же информация исходит от техники, то она может рассматриваться как вещественное доказательство (например, в случае создания документов автоматическими регистрирующими устройствами и системами: бортовым самописцем транспортного средства, банкоматом, системами видеонаблюдения и учета соединений абонентов в сети Интернет или электросвязи). Думается, что соблюдение названных требований к электронному документу делают его пригодным и для использования в уголовно-процессуальном доказывании, при этом такой документ будет выступать либо в качестве вещественного доказательства (ст. 96 УПК), либо иного документа и другого носителя информации (ст. 100 УПК) в зависимости от того, в какой форме они представлены и какие сведения несут в себе. В связи с этим, несмотря на критику советской доктрины доказательственного права в современной юридической науке, считаем нецелесообразным введение нового источника доказательства «цифровое доказательство».

Библиографический список

1. Каблучков А. Ю. Электронные доказательства в арбитражном процессе [Электронный ресурс]. URL: <http://s-yu.ru/articles/2010/6/4648.html> (дата обращения: 11.12.2015).

2. Кувычков С. И. Использование в доказывании электронной информации // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2012. № 18. С. 90–92.

3. Сафронов С. Г., Минбалиев А. В. Понятие и природа электронных доказательств в административном процессе России // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. 2014. Т. 14. С. 114–118.

4. Мецераков В. А., Трухачев В. В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2012. № 2. С. 260–267.

5. Вехов В. Электронные документы как доказательства по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <http://sec.bl.by/articles/178855.php>. (дата обращения: 11.12.2015).

6. Кукарникова Т. Э. Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 204 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/elektronnyj-dokument-kak-vewestvennoe-dokazatelstvo-po-delam-o-prestuplenijah-v.html>. (дата обращения: 28.12.2015).

7. Жавнер Р. С. Цифровые доказательства: история появления, практика применения и перспективы использования // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2010. № 4-2. С. 182–187.

8. Рыбин А. В. Электронный документ как вещественное доказательство по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: процессуальные и криминалистические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 192 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/elektronnyj-dokument-kak-vewestvennoe-dokazatelstvo-po-delam-o-prestuplenijah-v.html>. (дата обращения: 28.12.2015).

УДК 343.137

Белорусский государственный университет

Самарин В. И.

Заочное производство в уголовном процессе Беларуси: умаление основных начал?

Ускорение человеческой деятельности и развитие технологий заставляет расширять круг охраняемых уголовным законом ценностей и интересов, приводит к увеличению разрешаемых уголовно-правовых конфликтов, что закономерно требует дифференциации уголовно-процессуальной формы. Такая дифференциация развивается по двум противоположным направлениям: усложнение и упрощенчество. В последнем случае законодатель стремится, гарантируя соблюдение минимума уголовно-процессуальных принципов и руководствуясь не закрепленным в законодательстве принципом целесообразности, добиться процессуальной экономии. В то же время, как предполагает в своих трудах